

УДК: 101.1::316.6

КОНЦЕПТ ИНФОРМАЦИОННОГО НАСИЛИЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ВСЕОБЩЕЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Столяров А.В.

В эпоху информационного общества возникает необходимость в целостном и обоснованном подходе к определению границ допустимого в области информационной коммуникации и информационного обмена; введение в дискурс понятия информационного насилия позволяет в рамках либертарианской модели указать чёткое положение таких границ, соответствующее классическому требованию свободы индивида, а за пределами либертарианства – указать возможные источники социальной напряжённости и недовольства, порождаемые информационным насилием. Кроме того, концепт информационного насилия имеет определённую объяснительную силу в областях, напрямую не связанных с особенностями информационного общества. В частности, информационное насилие оказывается неизбежно в общественных местах неограниченного доступа, но негативный эффект от такого насилия нивелируется через соблюдение всеми индивидами определённых культурных условностей, соответствующих ожиданиям других индивидов. Такое соответствие обеспечивается принадлежностью всех индивидов, находящихся в одном месте, к одной культуре. Представители иной культуры, не соблюдающие в общественных местах местные культурные условности, подвергают окружающих информационному насилию, слишком серьёзному, чтобы его игнорировать; с этой точки зрения требование толерантного отношения к представителям других культур оказывается требованием терпеть определённый вид насилия, то есть не только не соответствует парадигме индивидуальной свободы, но и напрямую ей противоречит.

Ключевые слова: информационное общество, информационное насилие, либертарианство, толерантность, мультикультурализм.

Бурные процессы становления информационного общества, которые в настоящее время можно наблюдать во всём мире, вынуждают нас обратить самое пристальное внимание на сугубо информационные аспекты общественных отношений; всеобщая доступность компьютеров, практически нулевая стоимость создания цифровых копий любой информации и возможность передачи информации между индивидами, не ограниченная географическими барьерами,

неизбежно трансформирует самые основы, если угодно, парадигмы осмысления общественных отношений.

Дрейф парадигм, обусловленный информационной эпохой, можно заметить даже в такой незыблемой, казалось бы, области, как производственные отношения. Производительность труда продолжает расти, при этом количество доступных материальных ресурсов практически не меняется, а где-то даже снижается; потребности человечества в материальном потреблении благодаря усилиям рекламной индустрии и доступности дешевых кредитов пока ещё удаётся удерживать в состоянии роста, но этот рост совершенно не способен успеть за ростом производительности труда. Набирающее популярность движение дауншифтеров позволяет ожидать, что в ближайшее время, невзирая ни на какие усилия правящих элит, общий уровень материального потребления прекратит рост и начнёт снижение, притом без какой-либо идеологической подпитки. В то же время наблюдается рост всевозможных сугубо информационных аспектов производства услуг, огромное число людей занято в сфере создания программного обеспечения для компьютеров, в разнообразных информационно-поисковых и развлекательных проектах в сети Интернет. В сфере информационного производства традиционно понимаемая «производительность труда» оказывается потенциально бесконечной, ведь единожды созданное произведение, представленное в цифровой форме, может «потребляться» неограниченное число раз. В таких условиях любители, не претендующие на вознаграждение, начинают вытеснять профессионалов и делают ненужными посредников, заодно полностью разрушив связь между вложениями труда и количеством созданных возможностей для потребления. При этом, очевидно, исчезает само понятие добавленной стоимости, поскольку таковую невозможно определить.

С другой стороны, мощь информационных потоков, изливающихся на среднего жителя современного города, обнаруживает проблему информационной неприкосновенности индивида, потребность в праве не получать информацию, в которой он не заинтересован. Неконтролируемое использование технических средств передачи информации с целью распространения рекламы и агитации, как показала практика, способно уничтожать, делать бесполезными целые коммуникационные среды. Наконец, совершенствование автоматизированных методов обработки и анализа информации выводит на первый план проблематику защиты приватности; простой анализ персональной информации, которую средний индивид не считает необходимым скрывать и защищать, при современном уровне развития информационно-аналитических технологий способен превратить тайну частной жизни в фикцию.

В таких условиях возникает объективная потребность в некотором целостном подходе к установлению границ допустимого в области коммуникации и информационного обмена. В качестве такого подхода может служить концепция информационной свободы и информационного насилия, основанная на том, что в любом акте коммуникации участвуют, по меньшей мере, два индивида: передающий информацию и её получатель. Применяя принципы классического либерализма, состоящие в том, что в идеальной ситуации любое взаимодействие

индивидов должно происходить на основе их взаимной информированной доброй воли, мы приходим к критерию свободы информационного обмена и коммуникации. Он заключается в следующем: всякая информационная коммуникация должна (в идеальном информационном обществе) происходить тогда и только тогда, когда все её участники желают или согласны в этой коммуникации участвовать на основе собственной информированной доброй воли и никто из участников ранее не брал на себя добровольных обязательств, делающих их участие в данной коммуникации невозможным. Сам по себе этот принцип можно считать новой версией свободы слова, более адекватной современным реалиям. При этом любые нарушения свободы информационной коммуникации следует называть информационным насилием. Последнее представлено в трёх основных вариациях: передача информации без согласия получателя (реклама, спам, пропаганда, прямые оскорбления, попрошайничество и т. п.); получение информации без согласия её обладателя (шпионаж и всевозможные методы негласного получения информации, принуждение к даче свидетельских показаний); наконец, воспрепятствование коммуникации, проходящей с согласия её участников (цензура, а также имущественное авторское право и вообще интеллектуальная собственность).

Следует отметить, что в становлении сети Интернет существенную роль сыграли либертарианские установки её создателей, что отмечает, например, Михаэль Кастельс в книге «Галактика интернет». Сформулированный принцип свободы информационной коммуникации полностью соответствует либертарианским ожиданиям сетевого сообщества. С другой стороны, индивидуальную свободу не обязательно рассматривать как основополагающую ценность. Существуют точки зрения, отличные от либертарианской, в том числе провозглашающие допустимость (и даже желательность) инициированного насилия над индивидами в определённых ситуациях. В этом случае следует, по крайней мере, учитывать, что любое насилие порождает недовольство и социальную напряжённость, и к информационному насилию это в полной мере относится: источниками социальной напряжённости при внимательном рассмотрении оказываются и реклама, и цензура, и авторское право, и все остальные виды информационного насилия. Разумеется, с социальной напряжённостью можно бороться отнюдь не только снятием её причин, но, во всяком случае, имеет прямой смысл понимать, каковы эти причины. Такое понимание делает концепт информационного насилия полезным не только в рамках либертарианской ценностной модели, но и за её пределами.

Введение концепта информационного насилия в социально-философский дискурс позволяет осмыслить не только проблемы, порождённые формирующимся информационным обществом, но и ряд аспектов, напрямую с информационным обществом не связанных. В частности, в последние годы стала достаточно популярной, в особенности среди русскоязычных мыслителей, тема тупика, в который зашла Европа со своей идеологией толерантности. В пользу нежизнеспособности идей всеобщей толерантности и мультикультурализма говорят наблюдаемые факты из жизни европейских стран; часто можно увидеть, как из этих фактов делается вывод о всеобъемлющем кризисе либерализма и вообще подхода к

индивидуальной свободе человека как к некой ценности. Однако, как будет показано ниже, такие выводы могут оказаться преждевременными.

Отметим, прежде всего, что под индивидуальной свободой в настоящей работе, как и в классическом либерализме, понимается право и эффективная возможность для индивида не подвергаться инициированному насилию с чьей-либо стороны; это полностью соответствует сформулированной выше трактовке свободы информационной коммуникации. Такой подход к свободе, при всей его кажущейся примитивности, остаётся актуальным до тех пор, пока в обществе вообще существует насилие (то есть, скорее всего, до тех пор, пока существует общество) и при этом позволяет избежать множества пустых рассуждений.

Концепция информационного насилия позволяет рассмотреть идеологию всеобщей толерантности под несколько неожиданным углом. Английское слово «tolerance» переводится буквально как «терпимость», но рассуждения о терпимости подразумевают наличие чего-то такого, что индивиды вынуждены терпеть. Формально идеологи всеобщей толерантности признают в качестве объекта пресловутой терпимости отличия одних людей от других, но это не вполне верно: в конце концов, одинаковых людей нет, все индивиды различны, и это само по себе никогда не создавало никаких проблем. Часто уточняют, что имеются в виду не просто индивидуальные различия, но такие из них, которые обусловлены культурными, религиозными причинами или, к примеру, сексуальной ориентацией, то есть служат отличительной особенностью не для отдельных индивидов, но для групп заметной численности. Такое уточнение приближает нас к пониманию действительной сути проблемы, но всё ещё не даёт такого понимания: в самом деле, почему такие особенности индивидов, как рост, вес, цвет волос и тембр голоса обычно не требуют никаких специальных мер, тогда как принадлежность к разным национальностям и религиям стала камнем преткновения, из-за которого пришлось придумывать и насаждать целую идеологию, причём любые неудачи здесь становятся основанием для далеко идущих выводов вплоть до утверждения о кризисе либерализма?

Анализируя проблематику информационной свободы и индивидуальной информационной неприкосновенности, можно выделить два случая, в которых информационное насилие оказывается неизбежным, и можно говорить лишь о его разумном снижении, но не о полной ликвидации. Первый такой случай — воспитание детей, которое не просто требует информационного насилия, оно является таким насилием. Второй случай — присутствие людей в общественных местах, или, если говорить точнее, в местах общего доступа, где сам факт появления одного человека становится информационным насилием над всеми остальными, присутствующими в том же месте и вынужденными воспринимать зрительную информацию о внешнем облике человека, звуковую информацию о его движениях, дыхании и голосе и т. д.

Оба этих случая имеют прямое отношение к рассмотрению идеологии толерантности. Всякая цивилизация проходит в своём развитии долгий путь и создаёт свои особенности, отличающие выходца из этой цивилизации от других, в том числе условности поведения; родители воспитывают своих детей, зачастую

бессознательно – попросту личным примером – прививая им особенности, которые сами восприняли от своих родителей. Всё это не имело бы большого значения, если бы не существовало общественных мест свободного доступа, где индивиды встречаются друг с другом независимо от собственного желания и согласия. Физические возможности большинства индивидов достаточны для создания существенных неудобств окружающим, вплоть до лишения их жизни, поэтому в присутствии незнакомых людей для индивида крайне важно иметь основания для уверенности в собственной безопасности. Соблюдение индивидом неписанных норм и условностей поведения, усвоенных в детстве в ходе воспитания, демонстрирует окружающим, что данный конкретный индивид ведёт себя в соответствии с «общепринятым», и, таким образом, не представляет опасности. Даже обыкновенная вежливость во многом направлена на создание у окружающих уверенности в том, что индивид принадлежит к «своим», то есть от него нет оснований ждать неприятностей.

Ситуация кардинально меняется при встрече в общественном месте представителей двух разных культур, в особенности находящихся на качественно разных стадиях развития. Даже для случая культур, более-менее адекватных друг другу по развитию, различия в условностях поведения могут оказаться столь значительны, что подсознательно один индивид станет воспринимать другого как ведущего себя неадекватно ситуации, т. е. как потенциальную угрозу.

Впрочем, проблемы немца, оказавшегося во Франции, или голландца, попавшего в Англию, не столь существенны, чтобы требовать серьёзных мер. Гораздо хуже обстоят дела в случае африканца, араба или китайца, попавшего в любую из стран старой Европы; коренным жителям такой страны постоянно приходится делать скидку на «другое» воспитание такого гостя, но при этом гнать прочь мысли о том, что перед ними «дикарь», поскольку такое определение гостя будет проявлением «дискриминации».

Интересно, что представителей западной цивилизации, попадающих в «развивающиеся» страны, тщательно инструктируют о том, какие местные традиции ни в коем случае нельзя нарушать, чтобы не столкнуться с агрессией. При этом никто никогда не слышал, чтобы представителей стран третьего мира аналогичным образом инструктировали на тему поведения в странах Европы. Напротив, идеологи толерантности и мультикультурализма заявляют, что к выходцам из других культур следует относиться «толерантно», что на практике означает необходимость позволять им вести себя так, как они привыкли у себя на родине.

С тем чтобы навести порядок в наших основных положениях, рассмотрим три утверждения:

1) находясь за пределами своей страны, представитель европейской цивилизации должен учитывать местные культурные и религиозные особенности и вести себя в соответствии с ними;

2) находясь в своей собственной стране, представитель европейской цивилизации должен учитывать культурные и религиозные особенности лиц,

воспитанных в других странах, и, сталкиваясь с такими особенностями, относиться к ним с максимально возможной степенью понимания и терпимости;

3) выходцы из неевропейских культур являются точно такими же людьми, как и европейцы, культура их стран, пусть и отличающаяся от европейской, не должна восприниматься как «менее развитая», а самих носителей такой культуры ни в коем случае нельзя воспринимать как неких «дикарей», и любые проявления снисходительного отношения к неевропейским культурам и их представителям неуместны.

Эти три утверждения имеют одну замечательную особенность: верными среди них могут быть любые два, но не все три одновременно. В самом деле, если неевропейские культуры следует рассматривать как «иные», но при этом равноценные культуре европейской, т. е. столь же высоко развитые, то ситуация с поведением европейца на улицах Тегерана или иранца на улицах Парижа должна быть симметричной. Можно при этом считать, что приезжие должны уважать местные культурные особенности и вести себя в соответствии с ними. Например, европейская девушка, оказавшись в Тегеране, пожалуй, должна бы одеться если не в паранджу, то в длинное платье, скрывающее фигуру. Но тогда и дамы из мусульманских стран, приезжая в Европу, должны отказаться от своих мешковатых одеяний и носить одежду, подчёркивающую особенности женской фигуры, как это принято в Европе. Можно считать и иначе: если на улицах Парижа оказалась дама из мусульманской страны, привыкшая ходить в хиджабе, то не следует её принуждать к чему-то иному, ведь это доставит ей дискомфорт; но тогда и гостям из Европы следует дать возможность ходить по тому же Тегерану в шортах и миниюбках, к которым они привыкли. Если же ни то, ни другое не считать приемлемым, то возникает правомерный вопрос о причинах такой асимметрии. Признание европейской культуры стоящей выше в историческом развитии, чем другие, пожалуй, всё же неприемлемо. С другой стороны, попытки не обращать внимания на местные культурные условия в арабских и других мусульманских странах, очевидно, слишком опасны и при этом заведомо бесполезны: таким способом от них ничего не добьётся. Остаётся лишь третий вариант: позволить европейцам требовать от приезжих соответствия местному культурному контексту точно так же, как это требуется от них самих при посещении стран третьего мира. Очевидно, что разговоры о толерантности в этом случае лишатся всякого смысла.

Возвращаясь к информационному насилию, отметим, что имманентная составляющая такового, неизбежно присутствующая в любом общественном месте, может быть достаточно скромной, чтобы все индивиды благополучно игнорировали создаваемый таким насилием дискомфорт. Это, однако, возможно лишь при условии соблюдения всеми индивидами определённых правил, включающих культурные условия. Наличие в общественном месте индивидов, чьё поведение явным образом противоречит ожидаемому от них, неизбежно причиняет другим индивидам дискомфорт от ощущения собственной уязвимости: окружающие не знают и не могут знать, чего ожидать от индивида, ведущего себя неадекватно. При этом пресловутая адекватность поведения как раз и есть ни что иное, как поведение в соответствии с культурно-обусловленными ожиданиями окружающих. Иначе

говоря, индивид, который, находясь в общественном месте, ведёт себя не в соответствии с местными культурными ожиданиями, подвергает остальных индивидов, находящихся там же, информационному насилию, притом слишком мощному, чтобы его можно было просто проигнорировать.

Одна из основных функций общества (в особенности — общества, именующего себя «свободным»), состоит в защите индивидов от насилия. Между тем, насаждая идеологию всеобщей толерантности, общество Западной Европы тем самым заявляет своим гражданам, что не только не собирается защищать их от информационного насилия со стороны мигрантов из развивающихся стран, но и требует от них такое насилие терпеть (быть толерантными к нему), утверждая, таким образом, допустимость этого вида насилия. Между прочим, почувствовав неожиданно свалившуюся им прямо в руки вседозволенность, мигранты, разумеется, не преминули этим воспользоваться: чего стоит одна только история двухлетней давности с «шариатскими патрулями» на улицах Лондона. Прямо посреди европейских и американских городов возникают настоящие острова чужих традиций, так называемые «чёрные районы», в которых представителям коренной местной культуры оказывается попросту опасно находиться. Так что, происходящее оказывается «игрой в одни ворота»: коренное население Европы вынуждено изображать великодушных толерантных мультикультуралистов, в то время как приезжие до этого не опускаются и всю пользу получают преимущественно фактически предоставленной им вседозволенности.

Между тем, в свободном обществе насилие не может быть допустимым, индивиды ожидают от социума защиты от насилия, а не требования терпеть насилие. Информационное насилие остаётся насилием, даже если сам термин «информационное насилие» не употребляется и оказывается неожиданным для большинства людей; дело тут в том, что на интуитивном уровне люди в любом случае ощущают, что их подвергают насилию, и никакой массовый гипноз под лозунгами мультикультурализма и толерантности не способен отменить очевидного.

Сказанное позволяет утверждать, что европейская идеология толерантности не только не является неизбежным проявлением либерализма и признания индивидуальной свободы как ценности, но, напротив, противоречит ценности индивидуальной свободы, налагая на индивида обязанность терпеть насилие. Удивляться приближающемуся краху идеологии толерантности в свободолюбивой Европе, таким образом, не приходится. Что свидетельствует, однако, не о кризисе парадигмы индивидуальной свободы, но как раз об обратном: европейцы постепенно приходят к тому, чтобы потребовать от своей правящей элиты вернуть им свободу (в частности, личную информационную неприкосновенность в общественных местах), которая у них отнята лозунгами мультикультурализма и толерантности.

Следует отметить, что обращённое к мигрантам требование соответствовать культурно-обусловленным ожиданиям нового места проживания никоим образом не будет насилием в отношении мигрантов: возможность избрать ту же Европу своим новым местом жительства представляет собой не право, а привилегию,

предоставляемую на определённых условиях, и в этой связи представляется по меньшей мере логичным, чтобы соответствие (как минимум, поведенческое) новому культурному контексту стало одним из таких условий.

Список литературы

1. Кастельс М. Галактика Интернет. – Изд-во «У-Фактория», Екатеринбург, 2004. – 328 с.
2. Калинин В. В Лондоне появились "шариатские патрули". ИТАР-ТАСС, 21 января 2013 [Электронный ресурс] / В. Калинин. – Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/658342>

Stolyarov A.V. Concept of Information Violence and European Ideology World Tolerance // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 98-105.

In the information society age, there's a clear demand in a certain approach towards the limits of permissible in the area of communication and information exchange. The concept of information violence is one of such approaches. Within the libertarian views, the concept allows to mark clearly, where the limits must be placed; however, even in case we don't share the libertarian views and consider violence to be acceptable in certain situations, the notion of information violence at least lets us to be aware of possible social tension sources. Besides that, the information violence concept demonstrates certain explanation power in areas not directly related to the information society. In particular, it is known that information violence is unavoidable in open public places where each individual transmits at least the information about his/her look, and everyone being in the same place have to accept this information. Effect of such violence is moderated by everyone obeying certain culturally-imposed (but in general not formalized) rules that match what all the others expect; this match is secured by the fact all the individuals belong to the same cultural context. If, however, someone, who represents another cultural context, does not follow the rules the others expect, this case of public information violence becomes more serious— actually, to the degree where it can be no longer ignored. From this point of view, the demand of tolerant behaviour is effectively a demand to quietly accept violence; not only this has nothing to do with individual liberty, but it directly contradicts the very notion of individual liberty.

Keywords: information society, information violence, libertarianism, tolerance, multiculturalism.

References

1. M. Castells. Online Galaxy. – Ekaterinburg: Publishing house "U-factoria", 2004. – 328 p.
2. V. Kalinin. "Sharia Patrols" Appeared in London [Electronic resource] // ITAR-TASS, January 21, 2013. URL: <http://tass.ru/obschestvo/658342>